

Процесс над бывшим деканом Ленинградского государственного университета Николаем Корнатовским

Р. А. Бадиков

Для цитирования: Бадиков Р. А. Процесс над бывшим деканом Ленинградского государственного университета Николаем Корнатовским // Вестник Санкт-Петербургского университета. История. 2024. Т. 69. Вып. 1. С. 22–38. <https://doi.org/10.21638/spbu02.2024.102>

В статье рассматривается комплекс событий, связанных с уголовным преследованием известного партийного историка, профессора, бывшего декана исторического факультета Ленинградского государственного университета Н. А. Корнатовского. В период политических чисток рубежа 1940-х и 1950-х гг., ставших эхом «Ленинградского дела», Корнатовский был последовательно исключен из ВКП(б), уволен с высоких административных должностей в ключевых центрах партийно-политического образования и просвещения Ленинграда, а в 1951 г. арестован по ложному обвинению в антисоветской деятельности. Процесс над Корнатовским реконструирован на основе выявленных автором и ранее не затребованных исследователями документов надзорного производства, отложившихся в фондах Прокуратуры СССР (фонд Р-8131) и Прокуратуры РСФСР (фонд А-461) Государственного архива Российской Федерации. Особое внимание в исследовании уделяется проблеме взаимосвязи персонального дела Корнатовского по линии ВКП(б) и факта возбуждения в отношении него уголовного дела Управлением Министерства государственной безопасности СССР по Ленинградской области; механизмам формирования доказательной базы по делу на этапе предварительного следствия (в том числе рассмотрена неудачная попытка следствия инкриминировать Корнатовскому участие в организованной оппозиционной работе еще с 1920-х гг.); роли экспертных комиссий в деле и значению экспертизы научных трудов историка как одного из ключевых процессуальных действий. Выявлены принципы формирования массивов свидетельских и иных показаний в рамках процесса над историком, обстоятельства рассмотрения дела в Ленинградском городском суде (суд первой инстанции) в 1952 г., а также реконструированы обстоятельства борьбы Корнатовского и его супруги М. Т. Корнатовской за пересмотр обвинительного приговора в 1952–1953 гг. Наряду с этим в статье представлены общие итоги дела Корнатовского: результаты пересмотра дела органами государственной безопасности в 1954 г.; роль Прокуратуры СССР и контроля со стороны административно-партийных структур ЦК КПСС на соответствующем этапе; мотивировка прекращения уголовного преследования Корнатовского (за отсутствием состава преступления).

Ключевые слова: «Ленинградское дело», репрессии, послевоенные чистки, политические процессы, Ленинградский университет, партийные историки, Николай Корнатовский.

Роман Андреевич Бадиков — канд. ист. наук, доц., Челябинский государственный университет, Российская Федерация, 454001, Челябинск, ул. Братьев Кашириных, 129; badikov@csu.ru

Roman A. Badikov — PhD (History), Associate Professor, Chelyabinsk State University, 129, ul. Bratiev Kashirinykh, Chelyabinsk, 454001, Russian Federation; badikov@csu.ru

© Санкт-Петербургский государственный университет, 2024

The Trial of the Former Dean of Leningrad State University Nikolai Kornatovsky

R. A. Badikov

For citation: Badikov R. A. The Trial of the Former Dean of Leningrad State University Nikolai Kornatovsky. *Vestnik of Saint Petersburg University. History*, 2024, vol. 69, issue 1, pp. 22–38. <https://doi.org/10.21638/spbu02.2024.102> (In Russian)

The article examines a series of events related to the criminal prosecution of Nikolai Kornatovsky, a prominent party historian, professor, and the former dean of the Faculty of History at Leningrad State University. Amidst the political purges of the 1940s and 1950s, echoing the “Leningrad Affair”, Kornatovsky was expelled from the party, dismissed from high administrative positions, and arrested in 1951 on false charges of anti-Soviet activities. The trial over Kornatovsky has been reconstructed on the basis of the documents of supervision proceedings revealed by the author and previously not used by the researchers. The study particularly focuses on the interconnectedness between Kornatovsky’s personal case within the Bolshevik Party and the initiation of criminal proceedings against him by the Ministry of State Security of the USSR; on the mechanisms of forming the evidentiary base during the preliminary investigation. The article also explores the role of expert commissions in the case and the significance of the examination of the historian’s scholarly works as a key procedural action. The article reveals the principles of compilation of witnesses’ testimonies and other statements during the historian’s trial. Furthermore, details of the efforts by Kornatovsky and his spouse, Maria Kornatovskaya, to appeal a guilty verdict are revealed. Additionally, the article presents the outcome of the appeal in 1954, the role of the Prosecutor’s Office of the USSR, and administrative-party structures of the Central Committee of the Bolshevik Party during the relevant stage, as well as the rationale behind the termination of criminal prosecution against Kornatovsky.

Keywords: “Leningrad Affair”, repressions, post-war purges, political trials, Leningrad University, party historians, Nikolai Kornatovsky.

«Ленинградское дело», будучи одним из знаковых процессов периода позднего сталинизма, сыграло роковую роль в судьбах не только государственных и партийных деятелей, связанных в разное время с работой в Ленинграде, но и представителей отдельных групп советской научной интеллигенции. Подобно кругам на воде, чистки рубежа 1940-х и 1950-х гг., стремительно разрастаясь, затронули коллективы трех ключевых центров партийно-политического образования и просвещения города на Неве. Ленинградский государственный университет имени А. А. Жданова (ЛГУ), Институт истории партии при Ленинградском обкоме и горкоме ВКП(б), Ленинградская областная партийная школа — каждая из этих организаций вышла из новой, послевоенной фазы репрессий существенно ослабленной в кадровом и репутационном отношении.

Широкую известность в среде партийно-политической интеллигенции Ленинграда в этот период приобрело дело арестованного в июле 1951 г. профессора Николая Арсеньевича Корнатовского (1902–1977 гг.), авторитетного партийного историка, преемника профессора В. В. Мавродина в должности декана исторического факультета ЛГУ.

Немногочисленные исследователи, рассматривавшие уголовное дело в отношении Корнатовского, по-разному подходят к его интерпретации. К. А. Болдовский вписывает данный сюжет в широкий историко-политический контекст, оценивая

его как ведущий элемент малой репрессивной акции — «процесса ленинградских историков партии» 1949–1951 гг.¹ В. А. Кутузов в большей степени обращает внимание на ментальный, личностный аспект дела. Раскрывая влияние репрессий на судьбу опального профессора, Кутузов формулирует вполне обоснованный тезис о кардинальной ломке его взглядов: из воинствующего сторонника охранительных подходов и борца с «инакомыслием» в 1920–1940-х гг. Корнатовский превращается в бескомпромиссного критика «культы личности» после возобновления своей работы в ЛГУ в 1955 г.² Р. Ш. Ганелин в своих записках подходит к освещению проблемы сквозь призму наличия в среде исторического факультета ЛГУ острых межличностных конфликтов. Будучи деканом и руководителем кампании по борьбе с «космополитизмом» весной 1949 г., Корнатовский чрезвычайно усилил этот конфликтный потенциал, что сделало его персону, склонную к крайностям, уязвимой для перекрестной критики коллег и, как следствие, руководства города (ввиду «топорных» методов проведения кампании на факультете)³. Последнее, судя по тексту Ганелина, выступило значимым фактором развертывания процесса и обусловило в дальнейшем равнодушие коллег к судьбе Корнатовского после его изгнания из ЛГУ. Отметим, что сравнительно широкий круг читателей посвящен в суть рассматриваемого сюжета в основном благодаря мемуарным работам современников Корнатовского, знакомых с ним лично, но знавших тем не менее о перипетиях его дела лишь понаслышке.

Общее внимание к процессу над Корнатовским, прежде всего, диктуется особым положением историка в интеллектуальной среде Ленинграда конца 1920-х — 1950-х гг. Отдавая должное его научной квалификации, представитель городской прокуратуры на этапе пересмотра дела в 1954 г. подчеркивал, что «Корнатовский в свое время был единственным в гор. Ленинграде доктором исторических наук по истории партии» и «равных ему по ученой степени (в рамках данного научного профиля. — Р. Б.)... в г. Ленинграде нет»⁴. К этой характеристике стоит добавить, что герой публикации в профессиональных кругах считался ведущим исследователем Гражданской войны на северо-западе страны, экспертом всесоюзного уровня по истории обороны Петрограда в 1918–1919 гг. и борьбы большевистских сил против формирований белого генерала Н. Н. Юденича⁵.

¹ Болдовский К. А.: 1) Особенности формирования Index Prohibitorum в ходе ленинградских чисток 1949–1950 гг. // История книги и цензуры в России. Третьи Блюмовские чтения. СПб., 2015. С. 284–293; 2) «Прошу оказать мне доверие, так как другой жизни помимо жизни в партии и с партией у меня не было, нет и не будет...»: «Дело Н. А. Корнатовского» в документах Ленинградского горкома ВКП(б) 1949 г. // Новейшая история России. 2014. № 2 (10). С. 257–307.

² Кутузов В. А. Две реабилитации: профессор Николай Арсеньевич Корнатовский (3(16).02.1902–16.03.1977) // Труды Исторического факультета Санкт-Петербургского университета. 2013. № 14. С. 37–47.

³ Ганелин Р. Ш. Советские историки: о чем они говорили между собой. Страницы воспоминаний о 1940-х — 1970-х годах. СПб., 2004. С. 65–69, 74–78, 85–87, 129.

⁴ Докладная записка заместителя прокурора Ленинграда заместителю начальника Отдела по специальным делам Прокуратуры СССР, вх. № 13/14014 от 29 июля 1954 г. // Государственный архив Российской Федерации (далее — ГА РФ). Ф. Р-8131 (Прокуратура СССР). Оп. 31. Д. 30482. Л. 188.

⁵ См., например, оценку наиболее авторитетного в этот период партийного историка, члена-корреспондента Академии наук СССР, профессора И. И. Минца (1940 г.): Отзыв официального оппонента Минца на докторскую диссертацию Корнатовского «Героическая оборона Петрограда», 16 июня 1940 г. // ГА РФ. Ф. Р-9506 (Высшая аттестационная комиссия (ВАК) при Совете Министров СССР). Оп. 23. Д. 7109. Л. 27.

Известность Корнатовского как специалиста по истории революционного движения и Гражданской войны, восходящая еще к 1928 г., органично сочеталась в глазах современников с его реноме бескомпромиссного проводника политической линии ВКП(б). Данное обстоятельство выступило одной из причин того, что на раннем этапе чисток карьера Корнатовского переживает резкий подъем. Именно после утверждения его в марте — апреле 1949 г. исполняющим обязанности заведующего кафедрой марксизма-ленинизма и декана исторического факультета ЛГУ⁶ Корнатовский становится по-настоящему заметной фигурой партийно-политического ландшафта города. Следует также принять во внимание его параллельную работу в качестве заведующего кафедрой истории ВКП(б) в Ленинградской областной партийной школе. В том же 1949 г. Корнатовский вошел в состав ученого совета (в ранге заместителя председателя) Института истории партии при Ленинградском обкоме и горкоме ВКП(б), таким образом, замкнув на себе ряд основных должностей в трех упомянутых нами выше центрах партийно-политического образования и просвещения Ленинграда.

Падение 47-летнего профессора Корнатовского было столь же скорым, как и его административное возвышение. В автобиографии, подготовленной 5 июня 1951 г., незадолго до ареста, историк пишет: «В сентябре — октябре 1949 г. бюро Ленгоркома партии предъявило мне обвинение в “протаскивании в печатных работах вражеских материалов”. <...> Эти документы квалифицируются как вражеские на том основании, что они были приняты (или подписаны при обнародовании) по доводам лиц, впоследствии разоблаченных как врагов народа. <...> На основании обвинения я был исключен из партии и снят с работы. В декабре 1949 г. К<омиссия> П<артийного> К<онтроля> (при ЦК ВКП(б). — Р.Б.) подтвердила мое исключение с формулировкой “за политически недостойное поведение”»⁷.

Акцию нового руководства Ленинграда по выводу Корнатовского из членов ВКП(б) и увольнению из ЛГУ, Ленпартшколы и Института истории партии, тщательно готовившуюся еще с лета 1949 г., следует считать прологом и ключевой предпосылкой развертывания репрессий в отношении некогда уважаемого историка. Таким образом, персональное дело по линии ВКП(б) и уголовное дело 1951 г. по обвинению в антисоветской деятельности (ст. 58-10, ч. 1; ст. 58-11 Уголовного кодекса (УК) РСФСР) стали звеньями одной цепи в драме Корнатовского.

Составить относительно полную картину дела Корнатовского позволяют собрания документов надзорного производства, хранящихся в фондах советской прокуратуры Государственного архива Российской Федерации (ГА РФ). Наиболее ценными среди них являются выявленные автором в 2014 г. и ранее не затребованные исследователями архивные дела соответствующей направленности:

1. Надзорное производство (1952–1955 гг.) Отдела по специальным делам Прокуратуры СССР по следственному делу в отношении Корнатовского: ГА РФ. Ф.Р-8131 (Прокуратура СССР). Оп. 31. Д. 30482. Объем архивного дела — 205 л.

2. Надзорное производство (1952–1953 гг.) Прокуратуры РСФСР по следственному делу в отношении Корнатовского: ГА РФ. Ф.А-461 (Прокуратура РСФСР). Оп. 9. Д. 8796. Объем архивного дела — 54 л.

⁶ Приказ Министерства высшего образования СССР № 223/к от 27 апреля 1949 г. об утверждении Корнатовского деканом Исторического факультета ЛГУ // ГА РФ. Ф.Р-8131. Оп. 31. Д. 30482. Л. 156а.

⁷ Автобиография Корнатовского, 5 июня 1951 г. // ГА РФ. Ф.Р-8131. Оп. 31. Д. 30482. Л. 46 об.

3. Надзорное производство (1954–1955 гг.) Прокуратуры РСФСР по следственному делу в отношении Корнатовского: ГА РФ. Ф. А-461 (Прокуратура РСФСР). Оп. 1. Д. 6341. Объем архивного дела — 42 л.

Как известно, формат надзорного производства в советских правовых реалиях середины XX в. предполагал возможность пересмотра обвинительных приговоров судов в порядке мер прокурорского надзора и в рамках изучения письменных жалоб осужденных или их родственников. Именно к практике применения данного механизма в отношении Корнатовского сводится основное содержание выявленных нами в ГА РФ единиц хранения. Так, архивное дело № 8796 содержит сведения о результатах прокурорских проверок (1952–1953 гг.) по кассационной жалобе Корнатовского на приговор Ленгорсуда, а также по двум заявлениям о пересмотре дела, поступившим в Президиум Верховного Совета СССР от супруги профессора — Марии Терентьевны Корнатовской. В архивном деле № 6341 отложились данные о прошедшей в 1955 г. прокурорской проверке решения Управления Комитета государственной безопасности по Ленинградской области относительно прекращения уголовного преследования Корнатовского. Наиболее объемное архивное дело № 30482 наряду с некоторыми документами, дублирующими содержание двух других единиц хранения, в основном включает информацию о прокурорских проверках 1952–1953 гг. по трем заявлениям Корнатовского о пересмотре его дела. Особый интерес представляет также протест (в порядке надзора) Генерального прокурора СССР в адрес Верховного суда СССР с просьбой об отмене обвинительного приговора в отношении Корнатовского (1954 г.) и соответствующая межведомственная переписка, которая увенчалась прекращением уголовного дела и освобождением профессора из-под стражи в конце 1954 г.

Рассмотренные в рамках единого источникового комплекса указанные материалы позволяют сформировать наглядное представление об организации в СССР в годы позднего сталинизма прокурорского надзора по специальным делам, а также о специфике работы следственных и судебных органов и подготовке ими обвинительных заключений и приговоров в отношении представителей партийно-политической интеллигенции, затронутых чистками в рамках «Ленинградского дела».

Реконструируя обстоятельства процесса над Корнатовским, следует изначально обратить внимание, что обвинения, предъявленные ему после ареста 26 июля 1951 г. сотрудниками Следственного отдела Управления Министерства государственной безопасности (МГБ) по Ленинградской области, судя по всему, опирались на материалы, аккумулированные еще в 1949 г. Ленинградским горкомом ВКП(б) и выступившие в то время основанием для исключения историка из партии и его увольнения с ответственных административных постов. В пользу этого говорит почти зеркальная идентичность формулировок постановления бюро горкома от 19 октября 1949 г. («...Корнатовский Н. А. на протяжении длительного времени в своих печатных работах протаскивал троцкистско-зиновьевскую пропаганду. В 1929 г. в книге «Борьба за красный Петроград» Корнатовский с троцкистских позиций... извращает события, изображает врагов народа в качестве организаторов обороны Петрограда, всячески выпячивая их роль»⁸) и одного из ранних документов предварительного следствия: «...с 1928 и до 1949 года обвиняемый Корнатов-

⁸ Цит. по: *Болдовский К. А.* «Прошу оказать мне доверие, так как другой жизни помимо жизни в партии и с партией у меня не было, нет и не будет...». С. 301.

ский, занимаясь научно-педагогической работой, в своих печатных работах и лекциях протаскивал троцкистскую контрабанду, извращал историю ВКП(б) и пытался умалить роль вождей большевистской партии»⁹. Данный факт подтверждает выдвинутый нами ранее тезис о взаимосвязи персонального дела Корнатовского по линии ВКП(б) 1949 г. и факта возбуждения в отношении него уголовного дела Управлением МГБ.

В стремлении подчеркнуть статус историка как старого, системного ленинградского контрреволюционера едва ли не с зиновьевских времен следствие квалифицировало его дело не только по стандартной в данном случае ст. 58-10, ч. 1 УК РСФСР (антисоветская пропаганда и агитация), но и по более тяжелой ст. 58-11 (организационная контрреволюционная деятельность). Истоки антисоветских деяний Корнатовского в этом плане возводились следствием еще к 1926–1927 гг., когда он якобы состоял участником «антипартийной белорусско-толмачевской оппозиции», проходя обучение в адъюнктуре (по кафедре истории Гражданской войны¹⁰) Военно-политической академии имени Н. Г. Толмачева.

Намерением подвести основательную доказательную базу под это обвинение следует объяснить достаточно долгий период расследования дела Управлением МГБ. Свою лепту, вероятно, внесло и упорное сопротивление обвиняемого. Как указывал позднее сам Корнатовский, «допросы велись в обстановке моральных издевательств... Сам начальник следственного отдела... кричал: “Мы вас раздавим!”, требовал признать обвинение в принадлежности к контрреволюционной организации, прямо заявляя, что это лучше сделать немедленно, пока я нахожусь в нормальном физическом состоянии»¹¹.

Общее промедление следствия обернулось тем, что 29 ноября 1951 г. заместитель Генерального прокурора СССР Н. И. Хохлов предложил прокурору Ленинграда С. Н. Однакову «обязать УМГБ Ленинградской области закончить расследование дела... до 26 декабря 1951 года» на том основании, что «дело... расследуется пятый месяц, а следственными работниками УМГБ... только устанавливаются и разыскиваются новые свидетели, которым известны конкретные факты преступной деятельности Корнатовского (в составе “белорусско-толмачевской оппозиции”. — Р. Б.). За это время вполне возможно было требуемых свидетелей установить и допросить. Волокита, допущенная при расследовании дела... свидетельствует о формальном прокурорском надзоре...»¹².

Под давлением Москвы предварительное следствие, по-видимому, сократило объем процессуальных мероприятий и переквалифицировало (упростило) обвинение в отношении Корнатовского. Таким образом, в основу уголовного дела, переданного на рассмотрение Ленинградского городского суда 26 декабря 1951 г., легли действия, которые предусматривали наказание только по ст. 58-10, ч. 2 (антисовет-

⁹ Постановление Управления МГБ по Ленинградской области о продлении срока следствия и содержания обвиняемого Корнатовского под стражей, 19 октября 1951 г. // ГА РФ. Ф.Р-8131. Оп. 31. Д. 30482. Л. 2.

¹⁰ Автобиография Корнатовского, 2 июня 1940 г. // ГА РФ. Ф.Р-9506. Оп. 23. Д. 7109. Л. 12.

¹¹ Специальное заявление Корнатовского в адрес Сталина о пересмотре дела, 5 сентября 1952 г. // ГА РФ. Ф.Р-8131. Оп. 31. Д. 30482. Л. 58.

¹² Записка заместителя начальника Отдела по специальным делам Прокуратуры СССР прокурору Ленинграда, вх. № 13/7983-51 от 29 ноября 1951 г. // Там же. Л. 8.

ская пропаганда и агитация, в том числе в военное время)¹³. Участие подследственного в организованной антисоветской оппозиции в порядке ст. 58-11 на позднем этапе расследования уже не упоминается.

Серия заседаний Судебной коллегии по уголовным делам Ленгорсуда, проходивших в закрытом режиме 26 января — 1 февраля 1952 г., завершилась оглашением в последний день сурового, хотя и относительно предсказуемого приговора Корнатовскому. Решением коллегии под председательством судьи Барканова (заместитель председателя Ленгорсуда) бывший декан ЛГУ был осужден к 25 годам пребывания в исправительно-трудовых лагерях с последующим поражением в правах на 5 лет и конфискацией личного имущества. Весьма характерной для своего времени представляется формулировка судом оснований для уголовного наказания Корнатовского: «Корнатовский... находясь на научно-педагогической работе в период с 1928 по 1949 г., в том числе в период войн 1939–1940 и 1941–1945 гг., систематически занимался враждебной ВКП(б) и Советскому Правительству деятельностью; в своих печатных трудах и лекциях искажал марксистско-ленинскую теорию, извращал историю и принижал роль ВКП(б), замалчивал роль руководителей ВКП(б) и Советского государства в период Гражданской войны и становления советской власти, в печатных работах протаскивал троцкизм, оценивая военно-исторические события с позиции троцкизма, а не большевизма, восхвалял врагов народа, представляя их как борцов за советскую власть. Кроме того, хранил на квартире изъятую из обращения антисоветскую литературу и копии документов за подписями врагов народа»¹⁴.

Основу обвинительного приговора Ленгорсуда, как это нередко происходило в ситуации с процессами над представителями советской науки и культуры, составило письменное заключение экспертной комиссии. В рассматриваемом случае комиссия была образована в составе заведующего кафедрой марксизма-ленинизма Ленинградского государственного библиотечного института имени Н. К. Крупской, кандидата исторических наук Н. П. Скрыпнева (председатель), заведующего кафедрой истории Ленинградской областной партшколы, кандидата исторических наук Л. Ф. Петровой и начальника кафедры марксизма-ленинизма Военно-транспортной академии имени Л. М. Кагановича, кандидата исторических наук К. А. Успенского. Примечательно, что последний на пике «Большого террора», в 1937–1939 гг., состоял деканом исторического факультета и членом парткома ЛГУ и, по словам М. Т. Корнатовской, был «личным врагом» опального историка¹⁵. Едва ли мог Корнатовский рассчитывать на абсолютное непредвзятое отношение и со стороны председателя комиссии Скрыпнева, учитывая, что он был командирован из Москвы для укрепления местных кадров в связи с чистками по «Ленинградскому делу»¹⁶. Заяв-

¹³ Заключение прокурора Уголовно-судебного отдела Прокуратуры РСФСР по кассационной жалобе Корнатовского, 18 февраля 1952 г. // ГА РФ. Ф. А-461 (Прокуратура РСФСР). Оп. 9. Д. 8796. Л. 52.

¹⁴ Заключение заместителя прокурора Ленинграда по жалобе жены осужденного Корнатовского, 25 марта 1952 г. // Там же. Л. 11.

¹⁵ Заявление Корнатовской в адрес Н. М. Шверника о пересмотре дела супруга (регистрация в канцелярии Президиума Верховного Совета СССР — 30 января 1953 г.) // Там же. Л. 36.

¹⁶ *Танелин Р. Ш.* В библиотечном институте: некоторые воспоминания и заметки // Вестник Санкт-Петербургского государственного института культуры. 2012. № 1 (10). С. 179.

ленный Корнатовским в конечном счете мотивированный отвод Успенского, а затем и всего состава комиссии, суд не принял во внимание.

По результатам экспертизы 34 печатных работ¹⁷ Корнатовского комиссия пришла к выводу, что автор «искажал марксистско-ленинскую теорию», «принижал роль вождей партии и Советского государства В. И. Ленина, И. В. Сталина», «протаскивал троцкистскую контрабанду, слегка “критикуя”, популяризировал Троцкого, Зиновьева и других врагов народа», «хранил антисоветскую литературу»¹⁸. Анализ конкретных претензий экспертов к трудам Корнатовского дает информацию для размышления касательно того, какие тезисы и авторские недоработки исследователей могли в то время интерпретироваться в качестве примеров осознанного проведения антисоветской работы. Приведем ряд соответствующих выдержек из акта экспертизы, относящихся к различным работам Корнатовского по проблематике Гражданской войны в России за 1920–1940-е гг.: «искаженно представлена в статье предательская роль Троцкого с белополяками»; «умалчивает о руководящих указаниях Ленина и Сталина, умалчивает о том, что было сделано И. В. Сталиным для спасения Петрограда»; «подвергает “критике” высказывания Зиновьева для того, чтобы еще ярче подчеркнуть роль Троцкого»; «у автора не нашлось места для того, чтобы сообщить читателю о том, что постановлением ВЦИК... товарищ Сталин за организацию обороны Петрограда... был награжден орденом Красного Знамени»; «ни слова не говорит о том, что сталинское руководство обеспечило разгром белой армии и осенью 1919 г.»; «во всей статье нет ни одной ссылки на высказывания И. В. Сталина. <...> Пространно цитирует врага народа Бухарина, белогвардейцев А. С. Лукомского, Милюкова и его подлую газетку “Последние новости”»; «в заключительной части брошюры не упоминает об исторической речи И. В. Сталина от 3/ VII, которая явилась программой борьбы и разгрома немецко-фашистских захватчиков»; «ссылался на документы, составленные и подписанные врагами народа, отсылал читателя к старым изданиям... в своих работах приводил многочисленные цитаты из высказываний и документов врагов народа»¹⁹. Эти и аналогичные им по содержанию тенденциозные претензии, изложенные в акте экспертизы от 27 сентября 1951 г., не оставляли надежды на положительный исход дела Корнатовского²⁰.

Вторичным основанием для осуждения героя данной публикации выступили показания ряда лиц, с которыми Корнатовский работал или контактировал по служебным или научным вопросам в период пребывания в Ленинграде. Среди них

¹⁷ Всего насчитывается по меньшей мере 48 научных работ Корнатовского, опубликованных или находившихся в печати по состоянию на 16 июля 1940 г. См.: Список научных трудов Корнатовского, 16 июля 1940 г. // ГА РФ. Ф. Р-9506. Оп. 23. Д. 7109. Л. 16–18.

¹⁸ Заключение прокурора Отдела по специальным делам Прокуратуры РСФСР по делу Корнатовского, прекращенному в соответствии с п. «б» ст. 204 Уголовно-процессуального кодекса РСФСР, 14 апреля 1955 г. // ГА РФ. Ф. А-461. Оп. 1. Д. 6341. Л. 30.

¹⁹ Заключение заместителя прокурора Ленинграда по жалобе жены осужденного Корнатовского, 25 марта 1952 г. // Там же. Оп. 9. Д. 8796. Л. 13–15.

²⁰ Идентичны по содержанию дополнительные отзывы, приобщенные к следственному делу: директора Института Маркса — Энгельса — Ленина при ЦК ВКП(б), члена-корреспондента Академии наук СССР П. Н. Поспелова (представил развернутый обзор 10 печатных работ Корнатовского) и генерал-майора И. М. Савина, по-видимому, командира 64-й гвардейской стрелковой дивизии Ленинградского военного округа. Предпринятая автором попытка выявления полнотекстовых отзывов Поспелова в фонде 629 (Поспелов П. Н.) Российского государственного архива социально-политической истории (РГАСПИ) не увенчалась успехом.

особенно выделяются материалы допросов арестованных коллег профессора: партийных историков С. И. Аввакумова и К. Г. Шарикова, ранее занимавших в разное время должность директора Института истории партии при Ленинградском обкоме и горкоме ВКП(б); В. Н. Иванова, бывшего 2-го секретаря ЦК ВЛКСМ и одного из значимых фигурантов «Ленинградского дела»; И. А. Осипова, редактора книги Корнатовского «Ленинград — город трех революций» (Л., 1947); историка Н. Б. Крушкол, редактора Ленинградской государственной публичной библиотеки, бывшей коллеги Корнатовского по Институту истории партии в 1930–1940-х гг. Не меньшей содержательностью отличаются показания ключевых свидетелей обвинения: старшего научного сотрудника Института истории партии Е. А. Соколовой, а также научного сотрудника Ленинградского филиала Центрального музея В. И. Ленина Е. В. Алексеевой. Для выяснения обстоятельств работы Корнатовского в ЛГУ следствием были допрошены его бывшие аспиранты А. С. Бабкин, Н. А. Зегжда (кандидат исторических наук, старший преподаватель Исторического факультета ЛГУ в 1946–1949 гг.) и ряд второстепенных лиц (в том числе кандидат исторических наук, старший преподаватель Исторического факультета ЛГУ в 1940–1948 гг. С. З. Мандель), которые в основном озвучили умеренные или нейтральные оценки в адрес Корнатовского.

Стоит подчеркнуть, однако, что на раннем этапе заключения наиболее неприятным для Корнатовского эпизодом было ознакомление с письменными показаниями совершенно неизвестного ему К. М. Аникина, предположительно, бывшего преподавателя ленинградской Военно-технической академии в 1927–1930 гг., репрессированного в 1937 г. и умершего в заключении в 1942 г. В протоколе допроса от 16 июля 1938 г. Аникин упомянул Корнатовского «в числе участников белорусско-толмачевской оппозиции в толмачевском институте»²¹. Не меньшее удивление подследственного вызвали предъявленные ему копии материалов из уголовных дел Аввакумова и Осипова. Первый на допросе 23 марта 1950 г. характеризовал своего бывшего коллегу как «троцкиста» и поведал следствию невероятную историю о том, что «в 1932 году Корнатовский, временно исполняя обязанности директора Ленинградского института истории ВКП(б), распространял среди аспирантов и научных сотрудников института книжонку Троцкого, привезенную из Парижа Ильиным-Женевским (заместитель директора института, более известен как выдающийся советский шахматист; погиб при эвакуации из Ленинграда в 1941 г. — Р. Б.)»²². Знакомый Корнатовскому только с 1940 г. Осипов, в свою очередь, в показаниях от 21 сентября 1949 г. указал еще более сомнительные факты: «...в 1922 году я жил вместе с ним в гостинице “Астория”... Корнатовский был близок с проживавшими в то время в гостинице “Астория”, впоследствии разоблаченными врагами народа Зиновьевым, Евдокимовым, Бакаевым, Залуцким (лидеры “Левой оппозиции”. — Р. Б.) и другими. <...> В имевших место беседах Корнатовский высказывал антисоветские взгляды и клеветал на политику ВКП(б). Таким образом, я считаю,

²¹ Информационная справка прокурора Отдела по специальным делам Прокуратуры СССР для заместителя заведующего сектором органов юстиции и прокуратуры Отдела административных и торгово-финансовых органов ЦК КПСС, 22 июня 1953 г. // ГА РФ. Ф. Р-8131. Оп. 31. Д. 30482. Л. 109.

²² Заключение прокурора Отдела по специальным делам Прокуратуры РСФСР по делу Корнатовского, прекращенному в соответствии с п. «б» ст. 204 Уголовно-процессуального кодекса РСФСР, 14 апреля 1955 г. Л. 25–26.

что эти троцкистские убеждения Корнатовского возникли у него еще в период его близкого общения с... Зиновьевым, Евдокимовым и другими»²³.

Откровенно необоснованные свидетельства трех поименованных лиц потенциально могли стать почвой для квалификации уголовного дела Корнатовского по дополнительной ст. 58-11. Тем не менее Следственный отдел Управления МГБ по Ленинградской области, будучи не в состоянии выявить конкретные факты оппозиционной активности историка и поставленный Москвой, как указывалось ранее, перед необходимостью скорейшего (в течение месяца) завершения расследования, вынужден был отклонить данные показания. Как видно из опосредованного источника (справки об отказе в пересмотре приговора, подготовленной Отделом по специальным делам Прокуратуры СССР в июне 1953 г.), по итогам расследования дела «никто из свидетелей не показал, что Корнатовский давал им читать книжонку Троцкого (речь идет о книге “Сталинская школа фальсификаций”. — Р.Б.) и что он являлся участником белорусско-толмачевской оппозиции»²⁴.

Таким образом, в сегменте показаний на Корнатовского следствие в конечном счете сместило внимание Ленгорсуда в пользу свидетельств Соколовой и Алексеевой, а также отдельных (не относящихся к «оппозиционной» активности историка) фрагментов из протоколов допросов Аввакумова, Осипова и Иванова. Именно они приобрели особое значение для итогов судебного разбирательства. При этом малоинформативные показания Шарикова от 24 октября 1949 г. («...знал Корнатовского как научного сотрудника, который давал недоброкачественную научную продукцию. <...> Антисоветских убеждений... мне не высказывал») и данные допроса Крушкол от 5 ноября 1949 г. (Корнатовский «во время Отечественной войны... протаскивал пораженческое настроение. У него получалось, что Ленинград неизбежно будет сдан немцам...») ²⁵ заняли, очевидно, периферийное место в системе доказательств вины Корнатовского как на предварительном следствии, так и в рамках судебных заседаний Ленгорсуда 26 января — 1 февраля 1952 г.

В свете изложенного выше прежде всего обратим внимание на приобщенные к делу Корнатовского показания расстрелянного еще в 1950 г. высокопоставленного партийного работника, бывшего инспектора ЦК ВКП(б) Иванова. Ссылка на них позволила суду отчасти связать деяния Корнатовского с горизонтами большого «Ленинградского дела» за счет инкриминирования ему участия в 1947 г. в защите кандидатской диссертации Иванова, уже покинувшего на тот момент Ленинградский горком ВЛКСМ и работавшего в Москве 2-м секретарем ЦК ВЛКСМ²⁶. Присутствуя на защите Иванова в ЛГУ в статусе официального оппонента, Корнатовский огласил тогда положительный отзыв на подготовленную комсомольским лидером 250-страничную диссертацию. Данный факт позволил Иванову в рамках допроса 6 февраля 1950 г. сообщить следствию, что «в результате покровительства,

²³ Там же. Л. 26–27.

²⁴ Информационная справка прокурора Отдела по специальным делам Прокуратуры СССР для заместителя заведующего сектором органов юстиции и прокуратуры Отдела административных и торгово-финансовых органов ЦК КПСС, 22 июня 1953 г. Л. 109.

²⁵ Заключение прокурора Отдела по специальным делам Прокуратуры РСФСР по делу Корнатовского, прекращенному в соответствии с п. «б» ст. 204 Уголовно-процессуального кодекса РСФСР, 14 апреля 1955 г. // Л. 28.

²⁶ См.: Иванов В. Н. Массовое революционное движение пролетарской молодежи Петрограда в 1917 году: дис. ... канд. ист. наук. Л., 1947.

оказанного профессором ЛГУ Корнатовским, мне без труда удалось протаскать под видом научной работы антинаучные, вражеские измышления и получить ученую степень кандидата исторических наук»²⁷. Трактованный соответствующим образом эпизод 1947 г. был отнесен Ленгорсудом к категории деятельности профессора, враждебной ВКП(б) и Советскому правительству²⁸.

Отдельно следует остановиться на материалах допросов свидетелей обвинения — старшего научного сотрудника Института истории партии Соколовой и научного сотрудника Ленинградского филиала музея В.И. Ленина Алексеевой ввиду того, что «приговор суда был основан», как отмечалось в одном из документов Прокуратуры РСФСР на этапе пересмотра дела Корнатовского, именно «на заключении экспертизы и показаниях свидетелей Соколовой и Алексеевой»²⁹.

Строго говоря, свидетельский статус, которым располагали указанные лица, представляется нам неоднозначным. Так, Алексеева на одном из заседаний Ленгорсуда показала, что с Корнатовским ранее не была знакома, о его деятельности почти не осведомлена, а опыт ее приобщения к делам историка заключался только в том, что однажды ей довелось подготовить отзыв на одну из его работ. Она сообщила: «Мне как научному сотруднику... было поручено написать рецензию на статью Корнатовского “Ленин и Троцкий в борьбе с интервентами на Мурмане”, напечатанной в № 3 журнала “Красная летопись” за 1930 г. Несмотря на то, что, статья написана была уже после того как Троцкий был разоблачен как враг народа и выслан, Корнатовский “обеляет” в своей работе Троцкого и по существу... проводит пропаганду троцкизма, оправдывает троцкизм, как особую систему взглядов Троцкого. <...> В своей статье Корнатовский явно отрицает роль Ленина и Сталина в борьбе с интервентами. С другими работами Корнатовского я не знакома»³⁰.

Практически идентичны по своему содержанию показания Соколовой, с той лишь разницей, что она подтвердила личное знакомство с историком. «Корнатовский, как человек, протаскивающий троцкистскую и враждебную большевистской партии идеологию, — показала Соколова в ходе допроса, — мне известен с 1940 г. В 1940 году он подготовил к изданию сборник документов “О героической обороне Петрограда в 1919 году”. В этом сборнике Корнатовский... обошел борьбу нашей партии с троцкизмом и принижал роль вождя большевистской партии и народа в героической обороне Ленинграда в 1919 году. Примерно месяц с лишним тому назад я в институте прочла рукопись подготовленной к изданию Корнатовским книги “Героическая оборона Петрограда в 1918–1919 гг.”, в 13 главах из 16 подробно излагает все контрреволюционные заговоры, и, по существу, эту книгу можно назвать “Историей контрреволюции”. В этой книге Корнатовский умышленно опу-

²⁷ Заключение прокурора Отдела по специальным делам Прокуратуры РСФСР по делу Корнатовского, прекращенному в соответствии с п. «б» ст. 204 Уголовно-процессуального кодекса РСФСР, 14 апреля 1955 г. Л. 25.

²⁸ Небезынтересно, что подготовка Ивановым диссертации с использованием ссылок на материалы «врагов народа» выступила также одним из пунктов обвинения в рамках его собственного уголовного дела (Сушкова А. В. «Ленинградское дело»: генеральная чистка «колыбели революции». Екатеринбург, 2018. С. 92).

²⁹ Заключение прокурора Отдела по специальным делам Прокуратуры РСФСР по делу Корнатовского, прекращенному в соответствии с п. «б» ст. 204 Уголовно-процессуального кодекса РСФСР, 14 апреля 1955 г. Л. 31.

³⁰ Заключение прокурора Уголовно-судебного отдела Прокуратуры РСФСР по кассационной жалобе Корнатовского, 18 февраля 1952 г. Л. 53–53 об.

стил труды Ленина и Сталина и использовал статьи Зиновьева. Эти сохранившиеся в моей памяти факты... дают основания прийти к выводу о том, что он неразоружившийся троцкист, что он сейчас, как и раньше, в своих произведениях протаскивает антисоветскую и троцкистскую идеологию»³¹.

Материалы допросов Алексеевой и Соколовой, как видно из процитированных выше фрагментов, по большей части воспроизводили выводы экспертной комиссии Скрыпнева и обогатить дело новыми фактами или данными не могли. В силу этого они представляли скорее стороннее мнение профильных историков-специалистов по отдельным трудам Корнатовского, чем нормальные свидетельские показания о его деятельности в чистом виде.

Из показаний и выступлений массы лиц, вовлеченных следствием и судом в орбиту процесса над Корнатовским, положительная оценка его деятельности была дана одной только Зегждой, защитившей под руководством историка в 1947 г. кандидатскую диссертацию³²: «...работая под руководством Корнатовского, я не замечала никаких извращений в его работе. Наоборот, у меня было впечатление о Корнатовском, как о принципиальном партийном человеке. Весной 1949 года в парткоме Корнатовский в разговоре со мной заявил, что в своей научной работе он встречает большие трудности, так как “нельзя определить, что можно цитировать, какой литературой можно пользоваться”, и советовал мне с чрезвычайной осторожностью относиться к использованию тех или иных источников»³³. Подобная оценка, вероятно, была с чувством благодарности воспринята историком, но изменить общую обвинительную атмосферу судебных заседаний Ленгорсуда она, конечно, не могла. После процесса и оглашения приговора о Корнатовском в научно-образовательной и партийно-политической среде Ленинграда стали в отдельных случаях отзываться не иначе, как о «троцкистском контрабандисте»³⁴.

Борьба за восстановление доброго имени и профессиональной репутации, разрушенной приговором 2 февраля 1952 г., началась для Корнатовского с процедуры обжалования решения Ленгорсуда. В кассационной жалобе от 6 февраля 1952 г. историк утверждал, что свидетели обвинения, избличая его, дали ложные показания, а сам он признает «лишь то, что в своих печатных работах допустил ряд грубых политических ошибок, но не в результате какого-то злого умысла или преднамеренных действий, а вследствие притупления политической бдительности, нарушения принципа большевистской партийности при рассмотрении ряда конкретных вопросов истории и по отношению к официальной документации»³⁵. Тем

³¹ Заключение прокурора Отдела по специальным делам Прокуратуры РСФСР по делу Корнатовского, прекращенному в соответствии с п. «б» ст. 204 Уголовно-процессуального кодекса РСФСР, 14 апреля 1955 г. Л. 28–29.

³² См.: Зегжда Н. А. Партия большевиков — организатор борьбы против белопольской интервенции в 1920 г.: тезисы дис. ... канд. ист. наук. Л., 1947.

³³ Постановление Управления КГБ при Совете Министров СССР по Ленинградской области о прекращении следственного дела в отношении Корнатовского, 10 ноября 1954 г. // ГА РФ. Ф. Р-8131. Оп. 31. Д. 30482. Л. 201–202.

³⁴ См., например: Дворниченко А. Ю. Кафедра истории России с древнейших времен до XX века // Исторический факультет Санкт-Петербургского университета. 1934–2004: Очерк истории. СПб., 2004. С. 40; Козлов Ф. Политическая бдительность — обязанность члена партии // Бдительность — наше оружие. М., 1953. С. 42–43.

³⁵ Заключение прокурора Уголовно-судебного отдела Прокуратуры РСФСР по кассационной жалобе Корнатовского, 18 февраля 1952 г. Л. 52 об. — 53.

не менее Судебная коллегия по уголовным делам Верховного суда РСФСР 21 февраля 1952 г. оставила в силе приговор своих ленинградских коллег.

Последующее противостояние профессора репрессивной системе свелось к формату подготовки и отправки им и его супругой письменных заявлений о пересмотре приговора. В материалах надзорного производства по следственному делу Корнатовского в ГА РФ отложилось пять подобных документов.

Два заявления (датированные соответственно 7 февраля 1952 г. и периодом между 11 августа 1952 г. и 30 января 1953 г.), поданные Корнатовской в адрес председателя Президиума Верховного Совета СССР Н. М. Шверника, отличались краткостью (2–3 машинописные страницы). Красной нитью в них проходит эмоциональная и скорее неправдоподобная мысль о наличии на процессе «сговора» отдельных свидетелей, членов экспертной комиссии и иных лиц, знакомых с Корнатовским, с целью дискредитации последнего на суде. «А посему я и прошу у Вас помощи, — подчеркивает Корнатовская, — чтобы распутать этот гордиев узел. Искать корни нужно глубже, кое-кому от честного человека иногда и не плохо избавиться. Узнать это не так трудно. Если этим займется кто-либо из авторитетных людей, а не заинтересованные лица в гибели моего мужа»³⁶.

В личных заявлениях Корнатовского о пересмотре дела (от 20 февраля, 13 марта, 5 сентября 1952 г.), адресованных Генеральному секретарю ЦК ВКП(б) И. В. Сталину, внимание читателя фокусировалось на различных процессуальных нарушениях, которые действительно имели место на этапе предварительного следствия и в рамках судебных заседаний, вновь обращалось внимание на несоразмерность проступков историка и конечного наказания. «Политические ошибки в моих печатных работах, — писал Корнатовский, ожидая этапирования в тюрьму № 1 Управления Министерства внутренних дел (МВД) по Ленинградской области, — превратились в партийное преступление, а затем получили квалификацию “систематической антисоветской преступной деятельности” на основе показаний... Но эти показания являются беспардонной, не знающей никаких границ, чудовищной ложью и клеветой»³⁷.

Каждое из перечисленных заявлений было изучено на достаточно высоком уровне Отдела по специальным делам Прокуратуры РСФСР, а последнее (от 5 сентября 1952 г.), уже после смерти Сталина, — аналогичным отделом общесоюзной Прокуратуры с последующим докладом результатов 22 июня 1953 г. заместителю Генерального прокурора СССР Хохлову. Примерно в это же время делом Корнатовского заинтересовался В. В. Куликов, заведующий сектором органов юстиции и прокуратуры Отдела административных и торгово-финансовых органов ЦК КПСС. По его просьбе 16 июня 1953 г. аппарат сектора запросил у Прокуратуры СССР детальную справку об обстоятельствах дела.

Несмотря на некоторое внимание к судьбе репрессированного историка, движение в направлении его правовой реабилитации намечается лишь спустя год после этих событий. Свою роль здесь, очевидно, сыграло постановление Президиума

³⁶ Заявление Корнатовской в адрес Шверника о пересмотре дела супруга, 7 февраля 1952 г. (регистрация в канцелярии Президиума Верховного Совета СССР — 11 февраля 1952 г.) // ГА РФ. Ф. А-461. Оп. 9. Д. 8796. Л. 36.

³⁷ Заявление Корнатовского в адрес Сталина о пересмотре дела, 20 февраля 1952 г. (регистрация в Особом секторе ЦК ВКП(б) — 25 февраля 1952 г.) // ГА РФ. Ф. Р-8131. Оп. 31. Д. 30482. Л. 14 об.

ЦК КПСС от 3 мая 1954 г. о реабилитации лиц, выступавших в качестве фигурантов «Ленинградского дела»³⁸.

В результате уже 5 мая 1954 г. Прокуратура СССР, поставив дело Корнатовского на особый контроль, заявила протест (в порядке надзора) в адрес Верховного суда СССР от имени Генерального прокурора СССР с просьбой об отмене обвинительного приговора Ленгорсуда. «Обвинение Корнатовского, изложенное в приговоре Ленинградского городского суда, — сообщалось в протесте, — материалами дела полностью не доказано. Также нельзя считать правильной меру наказания, избранную судом Корнатовскому, 25 лет ИТЛ. Мера наказания чрезмерно сурова, не соответствует содеянному Корнатовским преступлению»³⁹. Верховный суд СССР, ознакомившись с приложенным к протесту следственным делом Корнатовского № 88449, удовлетворил соответствующий протест. Определением суда от 15 мая 1954 г. приговор бывшему декану ЛГУ был отменен, а его дело направлялось на повторное рассмотрение со стадии предварительного следствия.

Залогом эффективности нового расследования выступило наличие контроля дела со стороны номенклатурных работников ЦК КПСС: заместителя заведующего Отдела административных и торгово-финансовых органов ЦК КПСС А. А. Старцева⁴⁰ и заместителя председателя Комитета партийного контроля при ЦК КПСС, кандидата в члены ЦК КПСС П. Т. Комарова. Последний, как отмечалось в переписке Отдела по специальным делам Прокуратуры СССР и прокурора Ленинграда Однакова, в рамках своих полномочий требовал «представления подробной информации о результатах доследования дела»⁴¹.

Функция пересмотра дела Корнатовского была возложена на Следственный отдел Управления КГБ при Совете Министров СССР по Ленинградской области. После получения здесь материалов дела 22 июня 1954 г. следствие сочло необходимым инициировать проведение новой экспертизы научных трудов историка, причем с его личным участием. В интересах обеспечения данного процессуального действия Корнатовский, отбывавший наказание в Карагандинском ИТЛ (Казахская ССР), был доставлен в Ленинград 18 августа 1954 г. и помещен во внутреннюю тюрьму Управления КГБ⁴².

Новая экспертная комиссия, сформированная благодаря поддержке, оказанной следствию со стороны Ленинградского обкома КПСС, включала директора Института истории партии при Ленинградском обкоме, кандидата исторических наук И. Г. Коршунова (председатель), декана исторического факультета ЛГУ, кандидата исторических наук Б. М. Кочакова, заведующего кафедрой истории Ленинградского государственного библиотечного института, кандидата исторических наук

³⁸ Реабилитация: как это было. Документы Президиума ЦК КПСС и другие материалы: в 3 т. Т. 1 / сост. А. Н. Артизов и др. М., 2000. С. 115–116.

³⁹ Протест (в порядке надзора) Генерального прокурора СССР в адрес Верховного суда СССР, № 13ок/7983-51/27465 от 5 мая 1954 г. // ГА РФ. Ф. Р-8131. Оп. 31. Д. 30482. Л. 174.

⁴⁰ Впервые целевой запрос по делу Корнатовского в адрес Прокуратуры СССР поступил от Старцева еще 6 января 1954 г.

⁴¹ Записка заместителя начальника Отдела по специальным делам Прокуратуры СССР прокурору Ленинграда № 13ок/7983-51/35213 от 6 июля 1954 г. // ГА РФ. Ф. Р-8131. Оп. 31. Д. 30482. Л. 181.

⁴² Постановление Управления КГБ при Совете Министров СССР по Ленинградской области о продлении срока следствия и содержания обвиняемого Корнатовского под стражей, 9 сентября 1954 г. // ГА РФ. Ф. А-461. Оп. 1. Д. 6341. Л. 8.

В. Г. Палехова (к слову, отправленного в Ленинград для укрепления местных кадров вместе со Скрыпневым, председателем экспертной комиссии 1951 г.). По просьбе Корнатовского в состав комиссии был делегирован и четвертый эксперт — доцент кафедры марксизма-ленинизма Исторического факультета ЛГУ, кандидат исторических наук Е. Ф. Пашкевич. С материалами, подготовленными Пашкевич в рамках экспертизы, на сегодняшний день можно ознакомиться в Центральном государственном архиве Санкт-Петербурга⁴³.

В центре внимания комиссии нового созыва оказались 32 печатных труда историка, на два меньше, чем в ситуации с проведением экспертизы в 1951 г. Несмотря на очевидную загруженность по основному месту работы, члены комиссии, сформированной только к 9 сентября 1954 г., в целом оперативно реализовали свою миссию⁴⁴. К исходу октября заключительный акт экспертизы был передан в распоряжение Ленинградского Управления КГБ. Выводы комиссии Скрыпнева — Петровой — Успенского, на основе которой ранее строилось обвинение, новая экспертиза опровергла. «В ряде работ Корнатовский допустил политические ошибки... многие его работы, особенно раннего периода, сейчас устарели... однако в целом печатные труды Корнатовского, — резюмировали эксперты, — не являются антисоветскими»⁴⁵.

Наряду с экспертизой предварительное следствие организовало ряд дополнительных мероприятий. В частности, были проверены показания бывшего коллеги Корнатовского по Институту истории партии Аввакумова, дело которого на тот момент уже было прекращено за отсутствием состава преступления. Допрошенный 14 сентября 1954 г. историк заявил, что «его показания в отношении Корнатовского, данные им в ходе следствия по своему делу, искажены. Книжонку Троцкого “Фальсификаторы истории” Корнатовский не афишировал, антисоветских высказываний со стороны Корнатовского он не слышал, однако заявил, что Корнатовский в ряде работ допускал политические ошибки»⁴⁶. Приблизительно в это же время Управление КГБ организовало проверку списка книг, изъятых у Корнатовского при аресте в 1951 г., задействовав ресурсы Управления по охране военных и государственных тайн в печати при Исполкоме Ленинградского областного Совета депутатов трудящихся. Было получено заключение, что некоторые книги, изъятые у Корнатовского при аресте в 1951 г., действительно не должны находиться в обращении, однако наличие у Корнатовского контрреволюционной цели хранения соответствующих изданий следствие не подтвердило.

Собранные на этапе пересмотра дела данные позволили Следственному отделу Ленинградского Управления КГБ полностью снять с Корнатовского обвинения в антисоветской деятельности и подготовить 10 ноября 1954 г. постановление

⁴³ Рецензии Пашкевич на труды Корнатовского (материалы к акту экспертизы) // Центральный государственный архив Санкт-Петербурга. Ф. Р-2570 (Корнатовский Н. А.). Оп. 1. Д. 410. Л. 1–31.

⁴⁴ Записка прокурора Ленинграда заместителю начальника Отдела по специальным делам Прокуратуры СССР № 10/647-1889с от 14 сентября 1954 г. // ГА РФ. Ф. Р-8131. Оп. 31. Д. 30482. Л. 192–193.

⁴⁵ Заключение прокурора Отдела по специальным делам Прокуратуры РСФСР по делу Корнатовского, прекращенному в соответствии с п. «б» ст. 204 Уголовно-процессуального кодекса РСФСР, 14 апреля 1955 г. Л. 31.

⁴⁶ Постановление Управления КГБ при Совете Министров СССР по Ленинградской области о прекращении следственного дела в отношении Корнатовского, 10 ноября 1954 г. Л. 203.

о прекращении дела: «...уголовное преследование в отношении Корнатовского... в порядке ст. 204 п. “б” (прекращение дела при недостаточности оснований для предания обвиняемого суду. — Р.Б.) УПК РСФСР производством прекратить и арестованного из-под стражи освободить»⁴⁷.

Последующая реабилитация обусловила возвращение Корнатовского в 1955 г. на исторический факультет ЛГУ, где он продолжал работу в должности профессора кафедры истории СССР, заведующего кафедрой истории КПСС и профессора кафедры истории советского общества вплоть до почетного выхода на пенсию в 1975 г.⁴⁸

Исход дела для Корнатовского, таким образом, оказался в конечном счете благоприятным, в отличие от значительной массы схожих исторических «кейсов», связанных с преследованием его коллег — ленинградских партийных историков, которые подвергались репрессиям по политическим обвинениям как на волне «Ленинградского дела», так и в более ранний период 1920–1940-х гг.⁴⁹

В связи с этим представляется перспективной реализация специального сополографического исследования соответствующей страты научной интеллигенции Ленинграда. Сопоставительный анализ репрессивных практик и подходов к организации процессов в отношении партийных историков Северной столицы позволил бы сформировать на более обширной фактической базе ответ на ряд вопросов, исследованных нами в частном порядке, на материалах уголовного дела Корнатовского. Среди них: взаимосвязь и взаимообусловленность открытия персональных дел по линии ВКП(б) и возбуждения следственных дел по обвинению в антисоветской деятельности; ключевые механизмы формирования доказательной базы на этапе предварительного следствия; роль экспертных комиссий и общее значение экспертизы научных трудов обвиняемых как неотъемлемого процессуального действия в рамках подобных дел; принципы формирования массивов свидетельских и иных показаний; организация рассмотрения дел в судах первой инстанции; эффективность обжалования обвинительных приговоров в судах вышестоящей инстанции; обеспечение пересмотра соответствующих дел, если это имело место; значение мер прокурорского надзора и административно-партийного контроля со стороны структур ВКП(б) — КПСС; воплощение на практике права репрессированных на реабилитацию и восстановление профессиональной репутации. Исследование указанных вопросов в целом способно пролить свет на соотношение юридических (правовых) и политико-идеологических механизмов, сопутствовавших судебным процессам над ленинградской научной интеллигенцией.

References

Boldovskii K. A. “Proshu okazat’ mne doverie, tak kak drugoi zhizni pomimo zhizni v partii i s partiei u menia ne bylo, net i ne budet...”: “Delo N. A. Kornatovskogo” v dokumentakh leningradskogo gorkoma VKP(b) 1949 g. *Modern History of Russia*, 2014, no. 2 (10), pp. 257–307. (In Russian)

⁴⁷ Там же.

⁴⁸ Дворниченко А. Ю. Кафедра истории России с древнейших времен до XX века. С. 41.

⁴⁹ См., например: Брачев В. С.: 1) Дело профессора С. В. Вознесенского // Новейшая история России. 2019. Т. 9. № 1. С. 144–155; 2) «Дело» профессора Г. С. Зайделя (1893–1937) // Общество. Среда. Развитие. 2021. № 2 (59). С. 3–9.

- Boldovskii K. A. Osobennosti formirovaniia Index Prohibitorum v khode leningradskikh chistok 1949–1950 gg. *Istoriia knigi i tsenzury v Rossii. Treťi Bliumovskie chteniia*. St. Petersburg, LGU im. Pushkina Press, 2015, pp. 284–293. (In Russian)
- Brachev V. S. “Delo” professora G. S. Zaidelia (1893–1937). *Society. Environment. Development*, 2021, no. 2 (59), pp. 3–9. (In Russian)
- Brachev V. S. Delo professora S. V. Voznesenskogo. *Modern History of Russia*, 2019, vol. 9, no. 1, pp. 144–155. (In Russian)
- Dvornichenko A. Yu. Kafedra istorii Rossii s drevneishikh vremen do XX veka. *Istoricheskii fakul'tet Sankt-Peterburgskogo universiteta. 1934–2004: Ocherk istorii*. St. Petersburg, St. Petersburg University Press, 2004, pp. 27–101. (In Russian)
- Ganelin R. Sh. *Sovetskie istoriki: o chem oni govorili mezhd u soboi. Stranitsy vospominanii o 1940-kh — 1970-kh godakh*. St. Petersburg, Nestor-Istoriia Publ., 2004, 216 p. (In Russian)
- Ganelin R. Sh. V bibliotechnom institute: nekotorye vospominaniia i zametki. *Bulletin of the Saint Petersburg State Institute of Culture*, 2012, no. 1 (10), pp. 178–182. (In Russian)
- Ivanov V. N. *Massovoe revoliutsionnoe dvizhenie proletarskoi molodezhi Petrograda v 1917 godu*. PhD Abstract (History). Leningrad, 1947, 252 p. (In Russian)
- Kozlov F. Politicheskaia bditel'nost' — obiazannost' chlena partii. *Bditel'nost' — nashe oruzhie*. Moscow, Gospolitizdat Publ., 1953, pp. 28–49. (In Russian)
- Kutuzov V. A. Dve rehabilitatsii: professor Nikolai Arsen'evich Kornatovskii (3 (16).02.1902–16.03.1977). *Trudy Istoricheskogo fakul'teta Sankt-Peterburgskogo universiteta*, 2013, no. 14, pp. 37–47. (In Russian)
- Sushkov A. V. “Leningradskoe delo”: general'naia chistka “kolybeli revoliutsii”. Ekaterinburg, Al'fa Press, 2018, 182 p. (In Russian)
- Zegzhda N. A. *Partiia bol'shevikov — organizator bor'by protiv belopol'skoi interventsii v 1920 g.* PhD thesis (History). Leningrad, 1947, 4 p. (In Russian)

Статья поступила в редакцию 9 августа 2023 г.

Рекомендована к печати 20 октября 2023 г.

Received: August 9, 2023

Accepted: October 20, 2023